

«Моя актерская судьба сложилась счастливо, потому что жизнь сподобила меня с интересными и уча-

КИРИЛЛ

стливыми людьми», — так сказал мне Кирилл Юрьевич, когда мы встретились за кулисами Ленинградского академического Большого драматического театра им. М. Горького. Но, наверное, не в одном этом «везении» причина того, что имя артиста приобрело добрую известность.

Свое знание жизни Лавров почерпнул не из пьес и сценариев. Выросший в актерской семье, он, тем не менее, как многие ленинградские мальчишки, грезил морем, а не сценой.

Быть бы ему и по сей день моряком, если бы... Как хотите назовите этот зов: голосом крови, врожденным влечением, но так случилось, что, прослужив восемь лет на Дальневосточном флоте, он вернулся в Ленинград с твердым намерением поступить на сцену. Все свободное от службы время занимал самостоятельный театр, руководителем которого стал, сам для себя неожиданно, Лавров. Ни опыта, ни специальных знаний (какие там знания — война помешала закончить десятилетку!) у худрука не было. Но было огромное желание сделать так, чтобы в их театре все было «по-настоящему», чтобы на их сцене и не пахло приблизительностью любительства. И были люди, его товарищи, как и он, сделавшие служение искусству своим вторым призванием.

И вот Ленинград. Безуспешные попытки попасть в театральный институт (нет аттестата зрелости), случайность, помешавшая встретиться в тот раз с режиссером Г. А. Товстоноговым, которому он хотел «покажаться». Пошел в театр им. Леси Украинки, где работал отец Лаврова. Зачислили во вспомогательный состав. И здесь на его пути встал тот самый интересный и участливый человек, на которых, по словам Кирилла Юрьевича, ему всегда так везло: им был художественный руководитель театра, народный артист СССР К. П. Хохлов. Первый настоящий учитель и большой друг. Он разглядел в молодом актере и помог ему выявить глубокий талант: умение проникать в психологию героя и делать его жизнь нежно достоверным с помощью

внешне неуловимых, но точных деталей.

А потом еще одна удача: давно желанная встреча с замечательным театральным режиссером, лауреатом Государственных и впоследствии Ленинской премии Г. А. Товстоноговым, работа в прославленном коллективе БГДТ им. М. Горького.

Ленинградцы и жители других городов, где горьковцы побывали на гастролях, больше ценят Кирилла Лаврова как актера театра, нежели кино, потому что видели его во множестве сложных и разномплановых ролей. О его Платонове в штейновском «Океане», Ларри в пьесе А. Миллера «Воспоминание о двух понедельниках», Чарльзе Говарде в симоновском «Четвертом», грибоедовском Молчалине, шолоховском Давыдове и чеховском Соленом из «Трех сестер» говорят, как о больших достижениях артистического искусства. Три последние роли сыграны многими маститыми актерами. Но Лавров не только не повторяет традиционные, «классические» их трактовки, но каждый раз находит для своих героев принципиально новое решение.

Его Молчалин — это не просто пресмыкающийся червь, ластивое ничтожество, каким мы знаем грибоедовского персонажа по многим постановкам. Молчалин Лаврова «метит в Наполеоны». И он уверенно идет к вершинам карьеры, тонко играя на слабостях и пороках власти имущих, спекулятивно используя свое знание всех механизмов, которыми управляется «высший свет». При Софье он надевает маску непонятого страстотерпца, который вынужден выслушивать унижительные наставления. И такого Молчалина, загадочного и страдающего, любит Софья. К Фамусову, Хлестовой он обращается с затаенной усмешкой, как взрослый умный человек к капризным детям. В нем сквозит снисходительность даже в разговоре с Чацким: ему смешон этот чудак, пытающийся пробить стену лбом. Лавровский Молчалин — фигура значительная и злобная. Это не ископаемое, давно исчезнувшее

ЛЕНИНЦЕВ
г. Иваново

1 1 ИЮЛ 1965

ЛАВРОВ

ло как бы продолжение биографии прежних героев. И его муже-

существо, по чинуша, сделавший своей принцип — «умеренность и аккуратность» — тем ключиком, который должен открыть ему доступ к власти над людьми.

Новыми гранями открывается для зрителей и Давыдов в исполнении Лаврова. Мы привыкли видеть анолоховского героя в действии, оценивать Семена по поступкам. Этот Давыдов больше всего раскрывается, когда молчит, в долгие минуты раздумий. О его мучительных сомнениях, поисках мы узнаем по глазам актера с такой точностью, что кажется — прочли их сами, а не услышали внутренний монолог, воспроизведенный с магнитофонной ленты «за кадром».

И, наконец, — Соленый. У Лаврова офицер Соленый — это Молчалин «из оборот». Один «работает под Наполеона», другой — «под Черномонтова». Первый тайно презирает тех, среди которых хотел бы занять место получше. Другой намеренно демонстрирует свое презрение тем людям, духовное превосходство которых отлично осознает. Но оба движимы одним стремлением — играть более значительную роль, нежели та, которой они заслуживают по своим данным, чем та, что уготована им судьбой. И для достижения своих целей ни тот, ни другой не гнушаются любыми средствами (Соленый — даже убийством).

Самое удивительное в работе актера над этими и другими ролями — это то, что для своего перевоплощения Лавров пользуется меньше всего внешними признаками: минимальный грим, скудные жесты — и полное преображение «изнутри». Эту особенность — оставался самим собой, создавая каждый раз новый и интересный характер — он принес и в кинематограф. До появления Лаврова в «Живых и мертвых» мы видели Кирилла Юрьевича во многих эпизодических ролях, где он играл обаятельных парней, простых, добрых, энергичных. И уже тогда зрители приняли актера за абсолютно своего, «нашего», поверили ему во всем и до конца. Вот почему с Синцовым они встретились, как со старым хорошим знакомым — это бы-

ство, честность, неистребимая вера в партию, в ее правое дело, несмотря на несправедливость и незаслуженные мучения, естественна, понятна. Такие парни, как Лавров — Синцов, не могут думать и поступать иначе.

И вдруг — вор-рецидивист Алешка Лапа в фильме «Верьте мне, люди». Оказывается, не все и не всегда лавровские киногерои могут идти прямым и ясным путем. Чужая злая воля способна столкнуть в пропасть хорошего в своей основе человека и заставить принять звериные законы уголовного мира. И снова, в этом новом для него образе, актер не старается быть неузнанным: он все тот же Лавров, но в совершенно иной ситуации. И этому Лаврову мы верим так же без оглядки, как и в других ролях. Потому что и здесь мы ни разу не можем поймать себя на мысли: «здорово сыграно», «как это он лихо завернул», потому что Лавров не «играет» роль Алексея в общепринятом смысле этого слова, а становится Алексеем Лапиным.

Вот за это чувство абсолютной достоверности, большой правды, которое вызывает каждая новая работа К. Лаврова, мы благодарны талантливому артисту.

Кирилл Юрьевич рассказывал мне, что для него лучшим признанием удачи в фильме «Верьте мне, люди», были письма, которые он получил «от бывших корешей Лапина». Один из его корреспондентов писал, что ни одна картина не заставляла его пережить и передумать столько, как эта. Судьба анонимного автора, оказывается, во многом сходна с историей Алексея. И, как уверял парень, она тоже должна закончиться благополучно — он в это теперь поверил. Сейчас Лавров снимается в роли комиссара с легендарного крейсера «Аврора», а в театре вновь оживет полюбившийся ему Синцов в инсценировке романа К. Симопова «Солдатами не рождаются».

Мы с нетерпением будем ждать новых встреч с этим талантливым, умным, тонким актером в кино и на сцене.

Т. АФАНАСЬЕВА.